

DOI: 10.22363/2224-7580-2022-3-46-53

ПРОБЛЕМА ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ЭМПИРИЧЕСКОМ И ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

О.Б. Шустова¹, Г.Н. Сидоров^{2*}

¹ Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина
Российская Федерация, 644008, Омск, Институтская площадь, 1

² Омский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 644099, Омск, набережная Тухачевского, 14

Аннотация. В статье представлены рассуждения о проблеме доказательства в науке. Данная проблема поднималась ещё в древности во времена Платона и Аристотеля. В настоящее время наука пользуется широким спектром доказательств, однако далеко не все они отвечают требованиям адекватности и непротиворечивости. Часто доказательство связано с убеждением и верой в истинность какого-либо положения. Поэтому термин «доказательство» не определяется однозначно и к нему предпочтителен плюралистичный подход, включающий не только научное, но и метафизическое мировоззрение. В статье приводится углубленный анализ понятия «информация» как содержание законов внешнего мира, открывающихся людям после того, как они приспособливают к нему свои телесные и «душевные» органы чувств. Обосновывается, что ни одно отдельно взятое мировоззрение не может стать обоснованием для объяснения всей картины материальной Вселенной и, тем более, метафизического Сущего.

Ключевые слова: доказательство, наука, аподиктика, аксиома, вера, эмпирическое и теоретическое знание, метафизика, душевные органы чувств

Проблема доказательства является одной из главных проблем рационального познания, поскольку априори рациональным считается доказанное знание. Доказательство – необходимое условие всякого научного рассуждения. Наука стремится доказать все свои положения, найти для них обстоятельное объяснение. Бытует мнение, что истина, полученная бездоказательным способом, не может претендовать на истину.

Аподиктика – абсолютно достоверное знание. Аподиктический (от греч. *apodeiktikos* – доказательный, убедительный) – достоверный, неопровержимый. Этот термин впервые выделил Аристотель, противопоставивший его вероятностному суждению. Истинность аподиктических суждений вытекает из того, что они являются следствиями доказательств, опирающихся на аксиомы. Тем самым путем доказательства совершается переход от вероятного, недостоверного знания к достоверному. Таким образом, доказательство – это логическое рассуждение, в процессе которого подтверждается истинность

* E-mail: g.n.sidorov@mail.ru

какой-либо мысли с помощью других положений. Однако сама аподиктика, опирающаяся на аксиомы, вне всякого сомнения, является наукой метафизической.

Согласно Аристотелю, основываться нужно на фактах, которые берутся из опыта и которые необходимо анализировать в соответствии с определенными правилами вывода понятий. Поэтому воззрения двух философов древности – учителя и ученика, значимо различаются: если Платон считал науку одним из этапов в процессе движения к истине, то Аристотель понимал науку как единственное строгое и достоверное знание. Аристотель указывал, что *платоновская диалектика* основывается на мнениях, в том числе на созерцаниях ума или результатах диалогов, которые нельзя признавать истинными посылками размышлений, даже если они признаются подавляющим большинством компетентных в соответствующей области людей [1].

Нетрудно заметить, что воззрения Аристотеля склоняются к позитивному знанию, опирающемуся на опыт и факты, а для Платона знание – это исторический процесс меняющихся мнений, что, бесспорно, находит отражение впоследствии в учении Т. Куна о парадигмах и научных революциях. Таким образом, уже в Древности у Аристотеля и Платона мы можем наблюдать тенденции, переросшие впоследствии в два ведущих направления философии науки – позитивизм и постпозитивизм.

Вопросы, рассматриваемые нами в наших предыдущих работах, как-то: о критериях научности эмпирического и теоретического знания [2], о законах природы [3], о соотношении знания и веры [4], в конечном итоге сводятся именно к проблеме доказательства в той или иной области.

В каждом случае, говоря о доказательствах, исследователи опираются на полученную информацию: будь то исследование древних текстов, труды научных авторитетов, проведение собственного наблюдения и эксперимента или исторических памятников. Но информация обычно воспринимается человеческим разумом в том виде, в котором человек готов или хочет её воспринять.

В целом человеческое познание базируется на информации об окружающем нас мире. По Норберту Винеру: «Информация – это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств» [5. С. 14]. Авторы статьи дополнили определение Винера: «Информация – это содержание законов внешнего мира, открывающееся людям после того, как они приспособливают к нему свои телесные и «душевные органы чувств» [6. С. 43].

Телесные органы чувств: зрение, слух, вкус, обоняние, осязание, чувство равновесия. Под «душевыми органами чувств» авторы понимают особый вид интуиции, основанной на чувствах веры и надежды на Бога, или на Его антипода – падшего ангела, указывающий людям, обладающим такой интуицией, на наличие трансцендентного мира и на убежденность в необходимости соотношения законов природы с аксиомами религии [6. С. 46].

Под определением религии авторы, вслед за С.Н. Трубецким, понимают поклонение надчеловеческим духовным силам [7. С. 59].

Характеризуя душевные органы чувств как особый вид интуиции, авторы полагают:

1. Если человек приспособливает к информации (к сущности и законам мироздания) преимущественно свои телесные органы чувств, из него формируется эмпирик-материалист.

2. Если же человек имеет возможность приспособить к информации свои «душевные органы чувств», он становится глубоко верующим.

3. В том случае, если люди приспособивают к информации в относительно равной степени и телесные и «душевные органы чувств», то они становятся учеными-креационистами или богословами.

4. Приспособление к информации «душевных органов чувств», уповающих на «падшего ангела», формирует из человека мистика, экстрасенса, колдуна.

5. В том варианте, когда у эмпирика отсутствуют или слабо развиты «душевные органы чувств» (как у человека может полностью или частично отсутствовать музыкальный слух), то такая личность становится агностиком.

6. Личности, у которых помимо хорошо развитых телесных органов чувств, присутствуют ещё «душевные органы чувств», солидаризирующиеся с «темным трансцендентным миром», – становятся воинствующими атеистами, агрессивно отрицающими религию [8. С. 44].

Авторы предложили определение «душевные», а не «духовные» органы чувств, исходя из того, что «духовность» посылается человеку Богом. А «душевность» в соответствии со своей свободной волей человек может развивать на протяжении всей своей жизни: «Он от начала сотворил человека и оставил его в руке произволения его. ...Перед человеком жизнь и смерть, и чего он пожелает, то и дается ему» [9. Сир. 15:14,17]. Это одна из самых ярких цитат в Библии, свидетельствующих о наличии у человека свободной воли.

Почему пункты 4 и 6, в определении «душевных органов чувств», как особого вида интуиции, по мнению авторов, не однотипны? Экстрасенс и колдун – это люди «верующие». Они поклоняются надчеловеческим духовным силам – «падшему ангелу». И научные знания им не нужны. Тёмную информацию они «черпают» из «темного мира». Атеисты-ученые, объективно тоже служат «падшему ангелу», разумеется, не осознавая этого. Однако они бравируют знаниями «недозрелых», на сегодняшний день, наук, а метафизику гневно называют «бредом сивой кобылы» и в гордыне заявляют о своем «неверии» ни в какие трансцендентные явления. Этим они отличаются от экстрасенсов.

Для верующего человека информация – это принятие на веру текстов Священного Писания (Библия, Коран, Талмуд, Веды), для марксиста – труды классиков марксизма. Вспомним знаменитую фразу В.И. Ленина: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Для ученого-теоретика – это публикации руководителей научных школ и авторитетов науки с мировым именем, для ученого-эмпирика – это факты и артефакты, с их последующим анализом. Структурированная информация – это выдвижение гипотез, построение теорий или открытие законов.

Наука нуждается в доказательствах, поскольку знание, если оно претендует на звание научного, должно быть доказано. И. Лакатос писал, что «на протяжении столетий знанием считалось то, что доказательно обосновано (proven) силой интеллекта или показаниями чувств. Мудрость и непорочность ума требовали воздержания от высказываний, не имеющих доказательного обоснования» [10].

Начиная с XVII в. эмпиризм и рационализм считались главной опорой научной рациональности. Факты и логическое мышление являлись достаточной основой достоверного знания, и на них было основано понятие доказательства. Однако в науке, бывало, принято обращаться не столько к фактам, сколько к их интерпретации, зачастую выдаваемой за доказательство. Это объяснялось тем, что опираться на голые факты было далеко не так просто и удобно, как на свои собственные убеждения, либо на убеждения чужие, но уже затверженные и общепринятые.

Гносеология довольно часто опиралась на то, что знание – это есть обоснованная вера. Веру зачастую рассматривали как один из главных системообразующих факторов научного познания, поскольку именно благодаря вере в голове ученого формировался комплексный системный подход, включающий осознание проблемы, выстраивание гипотезы, разработку методов, обработку результатов исследования и, наконец, формулировку гипотез, законов и теорий [11. С. 29].

В структуре научного знания, как известно, выделяют два основных уровня организации: эмпирический и теоретический. Вера ученого-исследователя обеспечивает успех эмпирического исследования. Современный философ науки А.Л. Никифоров считает, что «бороться следует за ту теорию, в истинность которой вы верите, – это единственное рациональное поведение с точки зрения науки...» [12. С. 271]. Однако даже фактические данные не всегда и не всеми принимаются как доказательство. Не случайно опыты Л. Пастера не явились доказательством для ряда ученых XIX и XX вв. По словам Ф. Энгельса, «тем, кто верит в возможность самозарождения, он никогда не докажет одними этими опытами невозможность его». Эмпирически подтверждаемые законы Менделя и Моргана не являлись доказательствами для последователей учения Т.Д. Лысенко, так же как для О.Б. Лепешинской не явилось доказательством положение Р. Вирхова «всякая клетка из клетки» [13. С. 22]. Люди видели то, что хотели видеть. Об этом знали ещё древние софисты, утверждая, что человек есть мера всех вещей.

Эмпирические законы и теории строятся на фактах и в дополнительных доказательствах обычно не нуждаются. Никто в настоящее время не сомневается в истинности законов Менделеевской генетики или закона всемирного тяготения. Но эпоха позитивизма, господствовавшая в науке почти целое столетие, показала несостоятельность опоры только на наше чувственное восприятие, отражаемое в протокольных предложениях. Те же, вышеупомянутые, законы только часть более глобальных, не открытых ещё наукой, явлений («волновая генетика?», «теория всего»). Предлагаемый метод вери-

фикации, выдаваемый за некий абсолют и принимаемый безоговорочно классической научной рациональностью, до конца себя не оправдал. Со временем стало ясно, что:

- 1) далеко не каждая теория поддается эмпирической проверке;
- 2) эмпирическое и теоретическое знание – два разных уровня научного знания;
- 3) в научном знании исходным является не сбор фактов, а предварительная гипотеза, с помощью которой собранные факты систематизируются и интерпретируются.

Таким образом, наука, с одной стороны, всегда склонялась к эмпирическим обобщениям, как к явным свидетельствам чувственного познания (эмпирические законы и теории), а с другой – понимала, что их далеко не достаточно для доказательства истинности знания.

Однако наука показала также несостоятельность и голых теоретических выкладок. Например, доказательства проблемы макроэволюции были во многом построены на чисто умозрительных конструкциях (А.Н. Северцова, Ю.А. Филипченко, И.И. Шмальгаузена, Дж. Г. Симпсона и др.), а также поддельных («онтогенез повторяет филогенез») или выдуманных и украденных у других ученых («эволюционное древо») рисунках Э. Геккеля. Ч. Дарвин замечательно доказал явление «микроэволюции», которое теперь хорошо укладывается в понятие «нормы реакции», но в так называемой «макроэволюции», которую ему сразу начали приписывать вышеупомянутые «дарвинисты», сомневался на протяжении всей своей знаменитой книги. Благодаря субъективному подходу к представлениям о фактах наука привыкла строить целостные умозаключения и теоретические выводы, которые со временем обычно переходили в категорию доказательств.

В доказательстве нуждаются главным образом теоретические законы, поскольку они не подлежат проверке в принципе и их невозможно опровергнуть эмпирическими данными. В любом случае доказательство должно соответствовать логическому закону достаточного основания. А если касаться вопроса об аксиомах, о чем мы говорили выше, то, прежде всего, необходимо уточнить, можно ли считать данное конкретное положение аксиомой. Когда-то, к примеру, считалась аксиомой геоцентрическая система Аристотеля – Птолемея, подтверждаемая фактическим восприятием человеческих органов чувств.

Существует ряд положений материалистической науки, принятых сегодня за аксиомы: «живое произошло из неживого путем химической эволюции», «все виды животных и растений произошли путем естественного отбора и менялись постепенно в течение миллионов лет», «человек произошел эволюционным путем от обезьяноподобного предка» и т.д. Взять, к примеру, следующую фразу, принятую за аксиому учеными-материалистами: «Сознание – это продукт высокоорганизованной материи человеческого мозга». О духе же материалисты говорить вообще отказывались. Всё! Дальше можно не дискутировать. Идеализм повержен, а с ним вместе и религия. Но такой

подход не только не мог служить доказательством, но также и не объяснял самой сути данного утверждения.

В связи с этим мы хотим поставить вопрос: является ли результативной проблема доказательства в отношении происхождения жизни? Если считать аксиомами гипотезу Опарина – Холдейна, а также Эразма Дарвина (деда Чарльза Дарвина) и Геккеля, то, вероятно, да. Но учитывая массу противоречий этих гипотез, рассмотренных вслед за многими исследователями и в наших предыдущих работах, то, безусловно, нет! Однако те, кто верит в основные положения данных гипотез, убеждены в их неопровержимости. К сожалению, как в школьных, так и в вузовских программах и учебниках эти гипотезы выдаются за достоверные теории, а в массовом сознании уже отучившихся взрослых людей они считаются аксиомами. Авторы сталкиваются с такими безапелляционными («аподиктическими» = «a priori») убеждениями обыденного сознания разнообразных людей постоянно.

Мы согласны с К.В. Молчановым в том, что «Вопросы о появлении жизни до сих пор как в принципе, так и в целом не решены в науке. Об этих вопросах можно говорить много, но при этом следует помнить то, что написал Гегель: на основе обычного (материалистического) мышления решить вопрос о появлении живого в принципе нельзя. Однако науки продолжают штурмовать этот вопрос, причем упорно только на основе своего материалистического мировоззрения. И никаких успехов у них нет и не будет. Это пора бы было понять и признать, но такового признания в науках, конечно же, не будет, в первую очередь, по причине невозможности отказа в них от их собственных материалистических основ» [1].

По словам Стивена Мейера, «когда речь идет о теориях возникновения жизни, то логически возможно только ограниченное число исследовательских программ: 1) грубая материя обладает способностью к сложнейшим уровням самоорганизации, 2) материя всегда обладала нынешним уровнем организации, 3) организации материи помогала какая-то высшая сила». Исключение одной из этих возможных программ возникновения жизни существенно снижает значение любых заявлений сторонников альтернативной программы о её теоретическом превосходстве [14. С. 67].

Исходя из всего вышесказанного, приведенные нами гипотезы можно считать доказательствами лишь в умах тех, кто в них верит и, более того, щедро снабжает их «семантическими доказательствами». По мнению французского философа Ж. Бодрийяра, повсюду действует «модель симуляции», подчиняющая себе все сферы человеческой жизни, в том числе и язык. Место реальных предметов, процессов и явлений занимают разного рода знаки и «симулякры» – изображение без оригинала, репрезентация чего-то, того, чего на самом деле не существует» [15. С. 104]. И самое прискорбное здесь то, что при этом «вместе с новым языком возникает новая картина мира: одни сущности появляются, другие исчезают, простое становится сложным» [16. С. 65]. Достаточно семантически обозначить абстрактное и желаемое явление (ароморфоз, архаллакис, тахителія и т.д.), и оно начнет «существовать» [17. С. 70]. Или, как говорят авторы этой статьи своим студентам-

биологам и философам: «Это доказательства на уровне сотрясения воздуха человеческим языком – семантические доказательства».

Подводя итог всему вышесказанному, можно заключить, что к научному знанию необходимо прилагать пояснительные структуры в виде доказательства, так как сама по себе наука не обладает способностью к автоматической самоорганизации. Однако термин «доказательство» невозможно охватить одним универсальным определением, поскольку оно образует довольно расплывчатую совокупность понятий. Кроме того, существуют вопросы, не подвластные доказательствам, по крайней мере, в обозримом будущем, поэтому по этим вопросам гораздо рациональнее строить аргументированные гипотезы с учетом альтернативных мнений. То, что пока ещё находится за пределами науки (физики), по мнению Аристотеля, как раз и называется метафизикой. Доказательство тесно связано с убеждением, а также с верой в истинность какого-либо положения, поэтому часто сам термин используется некорректно. В настоящее время в эпоху постнеклассической научной рациональности предпочтителен плюралистичный подход и к проблеме доказательства, поскольку современные научные данные предполагают высокую степень сложности и требуют объяснений, зачастую выходящих за рамки естественных процессов. Материалистическая наука, безусловно, представляет ценность как элемент объяснения картины мира, но всю эту картину целиком, без обращения к метафизическим понятиям, она объять не может. Поскольку ни одно отдельно взятое мировоззрение не может стать совершенным философским обоснованием для объяснения всей картины материальной Вселенной и, тем более, метафизического Сущего.

Литература

1. Молчанов К. В. Авторский сайт о диалектике как альтернативе наукам: частные исследования с 1995 г. по настоящее время. URL: <https://dialectics.ru/564.html> (дата обращения: 15.06.2022).
2. Шустова О. Б. Сидоров Г. Н. О критериях научности в эмпирическом и теоретическом знании // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/108-8881> (дата обращения: 15.06.2022).
3. Сидоров Г. Н., Шустова О. Б. Законы природы и научные объяснения как объект гносеологического анализа // Омский научный вестник. № 2 (126). 2014. С. 87–89.
4. Шустова О. Б. Сидоров Г. Н. Вера ученого как доказательство научного познания // Наука сегодня. История и современность: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 1. Вологда: ООО Маркер, 2016. С. 100–102.
5. Винер Н. Человек управляющий. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
6. Сидоров Г. Н., Шустова О. Б. Об основном вопросе философии, об информации и о разделении ученых и философов на эмпириков, идеалистов, богословов, креационистов, агностиков и атеистов // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2018. Вып. 1 (4). С. 36–53.
7. Трубецкой С. Н. Религия «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона». СПб: Типография акционерного общества «Издательское дело, бывшее Брокгауз–Ефрон». Т. 26а (52), 1899. 479 с.
8. Сидоров Г. Н., Шустова О. Б. Информация и интуиция в науке с позиций рациональности и трансцендентности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Научный журнал. 2019. № 2 (23). С. 42–46.

9. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. М.: Московская патриархия, 1979. 1371 с.
10. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно–исследовательских программ. Библиотека Гумер – Наука. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/Lakatos/01.php (дата обращения: 15.06.2022).
11. *Шустова О. Б. Сидоров Г. Н.* Философская категория веры в научном познании // Вестник Омского университета, 2014. № 1 (71). С. 28–30.
12. *Никифоров А. Л.* Научная рациональность и цель науки // Логика научного познания: актуальные проблемы. М.: Наука, 1987. С. 259–272.
13. *Шустова О. Б. Сидоров Г. Н.* Эволюционизм и креационизм: наука или философия? Омск: Изд-во ФГОУОмГАУ, 2009. 200 с.
14. *Мейер С.* Методологическая равноценность теорий разумного замысла и естественного происхождения жизни: возможна ли научная «теория творения»? // Гипотеза творения. Научные свидетельства в пользу Разумного Создателя / под ред. Дж. П. Морленда. Симферополь: Христианский научно-апологетический центр, 2000. С. 60-106.
15. *Силчев Д. А.* Бодрийяр // Философия: энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. С. 104–105.
16. *Никифоров А. Л.* Философия науки: история и теория М.: Идея-Пресс, 2006. 262 с.
17. *Шустова О. Б., Сидоров Г. Н.* Традиции рационализма в преодолении кризиса научного познания: монография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2018. 152 с.

THE PROBLEM OF PROOF IN EMPIRICAL AND THEORETICAL KNOWLEDGE

O.B. Shustova¹, G.N. Sidorov^{2*}

¹ Omsk State Agrarian University. P.A. Stolypin

I Institutskaya Square, Omsk, 644008, Russian Federation

² Omsk State Pedagogical University

14 Tukhachevsky embankment, Omsk, 644099, Russian Federation

Abstract. The article presents arguments about the problem of proof in science. This problem was raised in antiquity at the time of Plato and Aristotle. At present, science uses a wide range of evidence, but not all of them meet the requirements of adequacy and consistency. Proof is often associated with belief and belief in the truth of a proposition. Therefore, the term “proof” is not defined unambiguously and a pluralistic approach is preferable to it, including not only scientific, but also metaphysical worldview. The article continues the author's analysis of the concept of information as the content of the laws of the external world, which is revealed to people after they adapt their bodily and “mental” sense organs to it. It is substantiated that not a single single worldview can become a rationale for explaining the whole picture of the material Universe and, moreover, the metaphysical being.

Keywords: proof, science, apodictic, axiom, faith, empirical and theoretical knowledge, metaphysics, mental sense organs

* E-mail: g.n.sidorov@mail.ru